

Маленькие мужчины

Рано или поздно приходит время взрослеть

Джо и Фриц Бэры открыли частную школу для мальчиков. Но эта школа отличается от обычных учебных заведений: ее ученики не знают, что такое зубрежка и суровая дисциплина. Мудрая Джо дарит детям любовь, заботу, внимание и старается сделать из шаловливых и непослушных ребят настоящих маленьких мужчин. А ее муж помогает найти мальчикам их призвание. Воспитанники школы, разные по характеру и мировоззрению, вместе учатся преодолевать трудности и отвечать за свои поступки. Супруги Бэры заменяют им родителей, окружая каждого ученика теплом и заботой. Здесь они учатся смелости и честности, дружбе и, главное, доброте. Ведь впереди их ждет взрослая жизнь, полная не только захватывающих открытий, но и первых юношеских ошибок...

Луиза Мэй
Олкотт

*Маленькие
мужчины*

Louisa May
Alcott

Little Men
Life at Plumfield with Jo's Boys

A Novel

Луиза Мэй
Олкотт

*Маленькие
мужчины*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8238-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Уважаемые правообладатели!

Мы приняли все возможные меры, чтобы найти вас и договориться о приобретении прав на использование в данной книге текста в вашей литературной обработке. Однако информация по этому вопросу отсутствует.

Пожалуйста, по вопросам предъявления авторских прав обращайтесь в издательство «Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» (тел. 057-783-88-89).

Перевод с английского *Александры Николаевны Рождественской*

В оформлении обложки использована картина *Джона Дж. Брауна «Мой лучший друг»*, 1903 г.

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Джо і Фріц Бер відкрили приватну школу для хлопчиків. Але ця школа відрізняється від звичайних навчальних закладів: її учні не знають, що таке зубріння та сувора дисципліна. Мудра Джо дарує дітям любов і турботу, намагається зробити з неслухняних хлопців справжніх маленьких чоловіків. А її чоловік допомагає віднайти хлопчикам їхнє покликання. Вихованці школи, різні за характером і світоглядом, разом вчаться долати труднощі і відповідати за свої вчинки. Подружжя Бер замінюють їм батьків, оточуючи кожного теплом і турботою. Тут вони привчаються до сміливості і чесності, дружби і, головне, доброти. Адже попереду на них чекає доросле життя, повне не тільки захопливих відкриттів, а й перших юнацьких помилок...

Олкотт Л. М.

О-54 Маленькие мужчины : роман / Луиза Мэй Олкотт ; пер. с англ. А. Н. Рождественской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 320 с.

ISBN 978-617-12-8102-8

Джо и Фриц Бэр открыли частную школу для мальчиков. Но эта школа отличается от обычных учебных заведений: ее ученики не знают, что такое зубрежка и суровая дисциплина. Мудрая Джо дарит детям любовь и заботу, старается сделать из шаловливых и непослушных ребят настоящих маленьких мужчин. А ее муж помогает найти мальчикам их призвание. Воспитанники школы, разные по характеру и мировоззрению, вместе учатся преодолевать трудности и отвечать за свои поступки. Супруги Бэр заменяют им родителей, окружая каждого теплом и заботой. Здесь они приучаются к смелости и честности, дружбе и, главное, доброте. Ведь впереди их ждет взрослая жизнь, полная не только захватывающих открытий, но и первых юношеских ошибок...

УДК 821.111

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Глава 1. Нэт

— Скажите, пожалуйста, сэр, это Плумфилд? — спросил маленький оборванец у человека, отворявшего ворота, около которых он вышел из омнибуса.

— Да, — ответил тот. — От кого ты?

— От мистера Лоренса. У меня есть письмо к леди.

— Отлично. Так ступай в дом и отдай ей письмо. Она позаботится о тебе, парнишка.

Человек этот говорил добродушно, и мальчик, ободренный его словами, вошел в ворота. Сквозь легкую дымку теплого весеннего дождя, падавшего на молодую траву и покрытые почками деревья, Нэт увидел прямо перед собой большой квадратный дом со старинным крыльцом, широкими ступенями и ярко освещенными окнами. Ни шторы, ни ставни не закрывали веселого света. И еще прежде чем Нэт решился позвонить, он увидел много маленьких теней, прыгавших на стенах, услышал веселый гул детских голосов и с грустью подумал, что этот светлый дом, казавшийся таким уютным и теплым внутри, не для таких бесприютных, как он.

«Надеюсь, что леди позаботится обо мне», — подумал он и робко стукнул большим бронзовым молотком в виде головы грифа.

Румяная служанка отворила дверь и с улыбкой взяла протянутое мальчиком письмо. Она, по-видимому, привыкла пускать в дом незнакомых мальчиков, потому что, нисколько не удивившись, показала Нэту на стоявший в передней стул и сказала:

— Посидите здесь. Я пойду к хозяйке и отдам ей письмо, а с вас за это время немного стечет вода.

Много интересного увидел Нэт, пока сидел в передней, с любопытством осматриваясь вокруг. Он с восхищением глядел по сторонам и был очень доволен, что его самого в темном уголке около двери никто не замечает.

В доме было множество мальчиков. Они были везде: и наверху лестницы, и внизу, и, наверное, в комнате леди, потому что всюду, где были отворены двери, виднелись группы мальчиков разного возраста, которые, не унывая из-за дождливой погоды, придумывали всевозможные развлечения. Все они старались как можно веселее

провести свободные вечерние часы, и их веселье было довольно шумным.

Две большие комнаты направо были, по-видимому, классными, потому что там стояли парты и большие черные доски, валялись книги и висели географические карты. В одной из них яркий огонь горел в камине. Несколько ребят лежали около него и толковали о новой площадке для крикета, причем с таким воодушевлением, что их ноги болтались в воздухе. Высокий юноша в уголке играл на флейте, не обращая никакого внимания на раздававшийся со всех сторон шум. Два-три мальчика прыгали через парты, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дух и полюбоваться на уморительные карикатуры, которые рисовал какой-то проказник на классной доске, изображая чуть ли не всех живущих в доме.

В комнате налево был накрыт длинный стол для ужина, уставленный большими кувшинами с парным молоком, горками пеклеванного и белого хлеба и грудями имбирных пряников, которые так любят дети. Запах поджаренных с маслом ломтиков хлеба носился в воздухе, смешиваясь с ароматом печеных яблок, — очень соблазнительный запах для голодного желудка.

Но привлекательнее всего показалась Нэту передняя. Наверху лестницы была в разгаре игра в пятнашки. На одной площадке играли в шарики, на другой — в шахматы; на ступеньках сидели мальчик, читавший книгу, девочка, певшая колыбельную песенку своей кукле, два щенка и котенок, а вниз по перилам один за другим скатывались несколько мальчиков — к большому вреду для своей одежды и опасности для рук, ног и голов.

Нэта так заинтересовало это катание по перилам, что он машинально встал и потихоньку вышел из своего уголка. Один мальчик, живой, как ртуть, скользил вниз до того быстро, что не смог остановиться и упал с перил, сильно ударившись головой об пол. Всякий другой при таком падении наверняка разбил бы себе голову, но у этого мальчика она, видно, так часто стучалась об пол в течение одиннадцати лет, что стала твердой, как пушечное ядро. Нэт, совсем забывшись, бросился к упавшему — в полной уверенности, что тот едва жив; но мальчик только быстро мигнул несколько раз, а потом с удивлением поднял глаза на незнакомое лицо и крикнул:

— Хей!

— Хей! — отозвался Нэт, не зная, что сказать, и решив, что это короткое восклицание будет самым подходящим.

— Ты новенький? — все еще лежа спросил мальчик.

— Я и сам еще не знаю.

— Как тебя зовут?

— Нэт Блэк.

— А меня Томми Банг. Хочешь прокатиться? Пойдем наверх, — и Томми вскочил, должно быть, вспомнив о законах гостеприимства.

— Мне кажется, я лучше подожду, пока не узнаю, останусь я здесь или нет, — ответил Нэт, желание которого остаться увеличивалось с каждой минутой.

— Деми, тут новенький! Подойди к нему.

И резвый Томми снова вбежал на лестницу с намерением продолжать катание: неудача его несколько не смутила.

Деми был тот мальчик, который, сидя на ступеньке, читал книгу. Услышав, что его зовут, он поднял свои большие темные глаза и после короткой заминки, как будто преодолевая застенчивость, встал со ступеньки. Сунув книгу под мышку, он подошел к Нэту, которому очень понравились милое лицо и добрые глаза Деми.

— Ты видел тетю Джо? — спросил Деми, по-видимому, придавая этому вопросу большое значение.

— Я еще не видел никого, кроме мальчиков, — ответил Нэт. — Я жду.

— Тебя прислал дядя Тедди?

— Меня прислал мистер Лоренс.

— Это и есть дядя Тедди. Он всегда присылает хороших мальчиков.

Нэту было приятно это замечание. Он улыбнулся, и его худенькое лицо просветлело и стало очень красивым. Он не знал, что бы такое сказать своему новому знакомому, и оба мальчика некоторое время стояли молча, дружелюбно глядя друг на друга. Девочка, укачивавшая куклу, с любопытством взглянула на Нэта и подошла к ним. Она была меньше Деми и очень похожа на него, только у нее были голубые глаза, а личико — покруглее и порумянее, чем у Деми.

— Это моя сестра Дэйзи, — сказал Деми таким тоном, как будто представлял какое-то необыкновенное существо.

Нэт и Дэйзи кивнули друг другу. Потом девочка улыбнулась, отчего на ее щеках появились ямочки, и ласково сказала:

— Я надеюсь, что ты останешься у нас. Нам здесь так хорошо, правда, Деми?

— Конечно, хорошо.

— Мне тоже очень нравится здесь, — заметил Нэт, понимая, что ему следует что-нибудь сказать этим милым детям.

— Лучше Плумфилда нет места на свете, правда, Деми? — воскликнула Дэйзи, которая, очевидно, считала своего брата авторитетом решительно во всем.

— Ну нет! Гренландия, где есть ледяные горы и где водятся тюлени, гораздо лучше. Но я люблю Плумфилд, и это действительно очень хорошее место, — ответил Деми, увлеченный книгой о Гренландии. Только он собрался показать Нэту картинки и объяснить, что на них нарисовано, как вернулась служанка и сказала Нэту, показав на дверь гостиной:

— Леди решила, что вы останетесь здесь.

— Как я рада! — воскликнула Дэйзи, ласково и немного покровительственно взяв Нэта за руку, так что мальчик тут же почувствовал себя как дома. — Теперь пойдем к тете Джо.

Деми снова принялся за свою книгу, а его сестра повела Нэта в гостиную, где высокий джентльмен возился на диване с двумя малышами, а худенькая леди дочитывала доставленное Нэтом письмо.

— Так это и есть мой новый мальчик? Я очень рада видеть тебя, мой милый, и надеюсь, что ты будешь счастлив здесь, — сказала тетя Джо, притянув к себе Нэта.

Она нежно, как мать, взглянула на него и ласково откинула ему волосы со лба. Одинокое сердечко Нэта радостно забилось и сразу было отдано ей.

Тетю Джо нельзя было назвать красивой, но у нее было симпатичное, веселое лицо, в выражении которого, так же как в ее взгляде и манерах, сохранилось что-то юное, девичье. Это делало ее необыкновенно привлекательной, и дети быстро сближались с ней. Она заметила, что губы Нэта задрожали, когда она поправляла ему волосы, и ее взгляд стал еще мягче. Она притянула жалкого, оборванного мальчика поближе к себе и со смехом сказала:

— Я — мама Бэр, этот господин — папа Бэр, а это два маленьких Бэра. Ступайте сюда, мальчики, познакомьтесь с Нэтом.

Мальчики тотчас же вскочили с дивана, и высокий господин, посадив их на плечи, подошел поздороваться с Нэтом. Роб и Тедди только весело смеялись, глядя на него, а мистер Бэр пожал ему руку и, показав на низенький стул около камина, приветливо сказал:

— Вот и местечко для тебя готово, дружок; садись к огню и посуши свои мокрые ноги.

— Ах, ведь они и в самом деле мокрые! — воскликнула миссис Бэр. Снимай скорее башмаки, мой мальчик, я в одну минуту приготовлю тебе все сухое!

И миссис Бэр так энергично засуежилась, что не успел Нэт оглянуться, как уже сидел перед камином в сухих чулках и теплых туфлях.

— Благодарю вас, мэм! — сказал он, и в его голосе звучала такая благодарность, что в глазах миссис Бэр снова засветилась нежность, но она тотчас же улыбнулась и весело заговорила; так она поступала всегда, когда бывала растрогана.

— Это туфли Томми Ванга, — сказала она, — но он их никогда не надевает, значит, они ему ни к чему. Тебе они велики, но это не беда: теперь ты не сможешь убежать от нас так быстро, как мог бы, если бы они тебе были впору.

— Я не хочу убежать отсюда, мэм, — сказал Нэт и с довольным вздохом протянул к огню свои грязные руки.

— Ну и отлично. Теперь тебе нужно хорошенько согреться. Я полечу тебя от этого скверного кашля. Давно ты так кашляешь, мой мальчик? — спросила миссис Бэр, роясь в большой корзине в поисках лоскутка фланели.

— С зимы. Я простудился, и с тех пор кашель все не проходит.

— Немудрено, так как он жил в сыром подвале и ходил чуть не в лохмотьях, — шепнула миссис Бэр своему мужу, который внимательно смотрел на Нэта и, конечно, заметил ввалившиеся виски, пересохшие губы, хриплый голос и частый кашель мальчика.

— Сбегай-ка к няне, Роб, — сказал мистер Бэр, переглянувшись с женой, — и попроси, чтобы она дала тебе лекарство от кашля и смягчающую мазь.

Нэта немножко встревожили эти приготовления, но он забыл свой страх и рассмеялся, когда миссис Бэр, лукаво взглянув на него, шепнула:

— Слышишь, как мой плутишка Тедди старается кашлять. В лекарстве, которое я дам тебе, есть мед, и ему тоже хочется его принять.

Маленький Тед даже раскраснелся от своих усилий покашлять, когда принесли пузырек. И после того как Нэт выпил лекарство и миссис Бэр завязала ему горло фланелью, малышу позволили облизать ложку.

Тут как раз зазвонил колокол, и громкий топот ног в передней возвестил, что ужин подан. Застенчивый Нэт вздрогнул при мысли о встрече с множеством незнакомых детей, но миссис Бэр взяла его за руку, а Роб шепнул ему покровительственным тоном:

— Не бойся, я позабочусь о тебе!

Двенадцать мальчиков, по шесть с каждой стороны стола, стояли, держась за стулья, и переступали с ноги на ногу, с нетерпением ожидая, когда можно будет приняться за ужин. Молодой человек, игравший на флейте, старался их успокоить. Однако никто не сел за стол до тех пор, пока миссис Бэр не заняла свое место около чайного прибора, посадив по правую сторону от себя Нэта, а по левую — Тедди.

— Это ваш новый товарищ, Нэт Блэк, — сказала она. — После ужина вы сможете познакомиться с ним. Потихонечку, мальчики, потихонечку!

В то время как миссис Бэр говорила, все глаза были устремлены на Нэта, а потом мальчики, с грохотом отодвигая стулья, стали усаживаться, стараясь держаться чинно, правда, не особенно успешно. Миссис и мистер Бэр делали все возможное, чтобы дети вели себя прилично за столом, и это им почти всегда удавалось. Они требовали немногого, их правила были разумны, да и сами дети, понимая, что это делается для общего блага, изо всех сил старались повиноваться. Но бывали дни, когда постоянно одергивать мальчиков казалось слишком жестоким. И субботний вечер — канун праздника — принадлежал им.

— Нужно дать этим бедняжкам хоть один день в неделю, когда они могли бы вволю пошуметь, покричать и пошалить. Праздник ведь не в праздник без веселья. А потому раз в неделю они будут пользоваться полной свободой. — Так обыкновенно говорила миссис Бэр, когда некоторые чопорные гости удивлялись, почему катание по лестничным перилам, бросание друг в друга подушками и другие

веселые игры допускаются под кровлей такого благопристойного дома, как Плумфилд.

Временами казалось, что эта кровля того и гляди взлетит на воздух; но она никогда не взлетала, потому что одно слово дяди Бэра могло в любое время прекратить шум. Кроме того, мальчики понимали, что не следует злоупотреблять свободой. И поэтому, несмотря на мрачные предсказания, школа процветала, а дети как-то незаметно постепенно приучались к вежливому обращению и становились вполне благовоспитанными.

Нэт на своем месте чувствовал себя как нельзя лучше. Спереди его закрывали высокие кувшины, с одной стороны от него сидел Томми Банг, а с другой — миссис Бэр, наполнявшая его тарелку и кружку, как только он успевал съесть и выпить все, что в них было.

— Мальчика, который сидит рядом с девочкой на том конце стола, зовут Деми? — шепотом спросил Нэт своего соседа.

— Да, это Деми Брук. Мистер Бэр — его дядя.

— Какое странное имя!

— Его настоящее имя Джон, но мы зовем его Деми-Джоном или просто Деми, потому что его папа тоже Джон. Это шуточное прозвище, понимаешь?

Нэт не совсем понял это объяснение, но из вежливости улыбнулся и с интересом спросил:

— Правда, он хороший мальчик?

— Да, очень хороший. Он знает множество интересных вещей и читает все подряд.

— А кто этот толстый мальчик рядом с ним?

— Это Фаршированный Кочан. Его зовут Джордж Коль, но мы прозвали его Фаршированным Кочаном, потому что он очень много ест. Маленького мальчика, который сидит рядом с дядей Бэром, зовут Робом, а около него сидит длинный Франц, тоже племянник дяди Бэра. Он учит некоторых мальчиков и немножко присматривает за нами.

— Он играет на флейте, да? — спросил Нэт, но Том, засунув в рот целое печеное яблоко, не смог произнести ни слова; он только кивнул в ответ, а затем, гораздо скорее, чем можно было ожидать при данных обстоятельствах, сказал:

— Конечно, играет. И мы иногда танцуем под музыку или делаем гимнастику. Сам я люблю барабан и постараюсь выучиться барабанить

как можно скорее.

— А я больше люблю скрипку, — сказал Нэт, оживившийся, как только речь зашла о музыке. — И я умею на ней играть.

— Правда? — воскликнул Томми, взглянув на него из-за кружки округлившимися от любопытства глазами. — У мистера Бэра есть старая скрипка, и он позволит тебе играть на ней, если захочешь.

— Неужели? Ах, как бы мне хотелось! Знаешь, я ходил по улицам и играл на скрипке с моим папой и еще одним человеком, пока папа не умер.

— И тебе было весело? — спросил в высшей степени заинтересованный Томми.

— Нет, это было ужасно. Зимой было страшно холодно, а летом слишком жарко. И я очень уставал и часто голодал. — Нэт остановился на минутку и откусил большой кусок имбирного пряника, как бы стараясь убедиться, что это тяжелое время прошло, а потом с сожалением прибавил:

— Но я любил мою маленькую скрипку, и мне скучно без нее. Николо взял ее, когда папа умер, и не хотел, чтобы я оставался с ним, потому что я был болен.

— Если ты хорошо играешь, тебя возьмут в оркестр.

— Разве у вас есть оркестр?

— Конечно, и очень хороший, из одних мальчиков. Они играют концерты и все такое. Вот увидишь, что будет завтра вечером.

После этого сообщения Томми снова принялся за ужин, а Нэт с восторженной улыбкой на губах задумался над своей полной тарелкой.

Миссис Бэр слышала все, что говорили между собой Нэт и Томми, хотя, казалось, была так занята разливанием молока и своим маленьким Тедди, что не могла уловить ничего. Тедди был такой сонный, что совал ложку вместо рта себе в глаз, качаясь из стороны в сторону, пока наконец крепко не заснул, уронив голову на мягкую булочку. Миссис Бэр специально посадила Нэта рядом с Томми: этот шалун был очень общительным мальчиком, и застенчивые дети чувствовали себя с ним необыкновенно легко. Так же подействовало общество Томми и на Нэта, который открыл соседу за ужином свои маленькие секреты, и это дало возможность миссис Бэр узнать Нэта лучше, чем если бы она сама поговорила с ним.

Вот содержание письма, которое мистер Лоренс прислал с Нэтом:

«Дорогая Джо, я знаю, что тебе будет по душе дело, которое я хочу поручить тебе. Этот бедный мальчик — сирота, больной, не имеющий ни родных, ни друзей. Он был уличным музыкантом и жил в сыром подвале, где я нашел его, плачущего об умершем отце и о своей скрипке, которую у него отняли. Мне кажется, что из него выйдет толк и что мы можем общими силами поставить его на ноги. Ты позаботишься о его изнуренном теле, твой муж Фриц займется его душой, до сих пор остававшейся в пренебрежении, а затем я посмотрю, что может выйти из этого мальчика — талантливый музыкант или только ремесленник, способный зарабатывать себе на хлеб. Позаботься о нем ради твоего собственного сына. Ваш Тедди».

— Уж, конечно, мы позаботимся! — воскликнула миссис Бэр, прочитав письмо. А когда она увидела Нэта, то почувствовала, что в любом случае — есть у него талант или нет — ему, больному, одинокому мальчику, нужен прежде всего уют и нежная материнская забота. Она сама и ее муж внимательно наблюдали за Нэтом и, несмотря на его обтрепанное платье, неловкие манеры и грязное лицо, заметили в нем много такого, что им понравилось. Нэт был худенький, бледный двенадцатилетний мальчик с голубыми глазами, высоким лбом, выразительным ртом и растрепанными волосами. Временами на лице его появлялось какое-то тревожное, испуганное выражение, как будто он ждал, что его отругают или побьют. Губы его дрожали от нежного взгляда, а каждое ласковое слово он встречал с трогательной благодарностью.

«Бедный мальчик! Пусть он играет на скрипке хоть целыми днями», — подумала миссис Бэр, увидев, как просияло лицо Нэта, когда Томми упомянул про оркестр.

После ужина, когда мальчики прибежали в класс и принялись за разные игры, появилась миссис Бэр со скрипкой в руках. Сказав несколько слов мужу, она подошла к Нэту, который сидел в уголке и с большим интересом смотрел на происходящее.

— Не сыграешь ли ты нам что-нибудь, дитя мое? — спросила она. — У нас в оркестре как раз недостает скрипки, и мне кажется, ты мог бы сыграть хорошо.

Она думала, что Нэт смутится и будет стесняться, но он тут же схватил старую скрипку, и по тому, с какой любовью он смотрел на

нее, было видно, что он очень обрадовался.

— Я сыграю как можно лучше, мэм, — сказал он и провел по струнам смычком, как бы спеша поскорее услышать знакомые звуки.

В комнате стоял страшный шум, но Нэт не обращал на него никакого внимания. Он не слышал ничего, кроме звуков своей скрипки, и играл, забыв обо всем на свете. Это была простенькая мелодия, которую часто играют уличные музыканты. Дети перестали шуметь и, притихнув, с удивлением и удовольствием слушали музыку. Мало-помалу они стали придвигаться все ближе и ближе к Нэту; подошел к нему и мистер Бэр. А Нэт продолжал играть, не замечая никого. Глаза его блестели, на щеках вспыхнул румянец, а его худенькие пальцы быстро водили смычком.

Когда он закончил, раздались восторженные аплодисменты. Нэт оглянулся вокруг, как бы пытаясь сказать: «Я старался играть как можно лучше. Не знаю, понравилось ли вам».

— Ты играл великолепно! — воскликнул Томми, считавший, что Нэт находится под его покровительством.

— Ты будешь играть первую скрипку в моем оркестре, — с одобрительной улыбкой прибавил Франц.

— А ведь Тедди прав, — шепнула миссис Бэр своему мужу. — Из этого мальчика на самом деле выйдет толк.

Мистер Бэр энергично кивнул и, потрепав Нэта по плечу, добродушно сказал:

— Ты играл очень хорошо, мой мальчик. Исполни нам теперь какую-нибудь песню, а мы споем ее хором.

Это была самая счастливая минута в жизни бедного Нэта. Его провели на почетное место около рояля, а мальчики встали вокруг. Не обращая внимания на жалкую одежду маленького музыканта, они смотрели на него с уважением и с нетерпением ждали, когда он снова заиграет.

Выбрали знакомую всем песню, и концерт начался. Трио из флейты, скрипки и рояля и хор детских голосов огласили комнату. Это оказалось слишком сильным впечатлением для Нэта: когда последние звуки песни замерли, его губы задрожали, он уронил скрипку и, отвернувшись к стене, зарыдал, как маленький ребенок.

— Милый мой, что с тобой? — воскликнула миссис Бэр, которая тоже пела с детьми и в то же время старалась удержать маленького

Роба, желавшего непременно отбивать такт ногой.

— Вы все так добры... И всё так хорошо... Я не смог удержаться... — всхлипывая, промолвил Нэт, а потом закашлялся и с трудом перевел дух.

— Пойдем со мной, мой мальчик, тебе нужно лечь в постель и отдохнуть; ты утомился и здесь слишком шумно для тебя, — шепнула миссис Бэр и отвела Нэта к себе в гостиную, где дала ему спокойно выплакаться.

Она успела настолько завоевать его доверие, что он рассказал ей свою историю, которую она, хотя уже и знала, слушала со слезами на глазах.

— Теперь, мое дитя, — сказала миссис Бэр, когда он закончил, — у тебя есть и отец, и мать, и дом. Не думай больше о своем тяжелом прошлом и постарайся быть спокойным и счастливым. И знай, что тебе уже больше не придется страдать, насколько это будет зависеть от нас. В Плумфилде мальчикам живется весело; вместе с тем мы стараемся приучить их к самостоятельности и сделать полезными людьми. Ты будешь играть на скрипке, сколько захочешь, а теперь ложись спать. Завтра мы вместе придумаем что-нибудь веселое и интересное.

Нэт крепко сжимал ее руку; он не мог произнести ни слова, но глаза мальчика красноречиво говорили за него. Миссис Бэр привела его в большую комнату, где их встретила высокая немка с таким круглым и веселым лицом, что оно казалось чем-то вроде солнца, а широкая оборка ее чепчика могла сойти за лучи.

— Это няня Гуммель, — сказала миссис Бэр. — Она приготовит тебе отличную ванну и острижет волосы. Вон там дверь в ванную. В субботу вечером мы моем всех маленьких мальчиков и кладем их в постель, прежде чем большие закончат петь. Ну, Роб, иди мыться.

Миссис Бэр быстро раздела Роба, отнесла его в маленькую ванную рядом с детской и посадила в ванну.

Тут, не считая двух больших ванн, были души, тазы, ножные ванны и другие приспособления для мытья. Через некоторое время и Нэт очутился в ванне, что доставило ему огромное удовольствие. Сидя в теплой воде, он смотрел на двух женщин, которые причесывали нескольких мальчиков и надевали на них чистое белье.

Те, само собой разумеется, проказничали, дурачились и весело смеялись во время этой процедуры и затихали только после того, как их укладывали в постель.

Когда Нэт после ванны сидел в спальне, завернувшись в одеяло, перед камином, а няня стригла ему волосы, появилась новая партия мальчиков. Их заперли в ванной, где они подняли страшную возню; они так шумели и плескались, как будто были не мальчиками, а молодыми тюленями.

— Нэту, я думаю, лучше лечь здесь, — сказала миссис Бэр, метавшаяся из стороны в сторону, как наседка, у которой вместо цыплят вылупился целый выводок утят. — Если он будет спать тут и начнет кашлять ночью, вы сможете дать ему льняного отвара.

Няня одобрила такой план. Надев на Нэта фланелевую ночную рубашку, она дала ему выпить чего-то теплого и сладкого и, когда он лег в постель, подоткнула одеяло. Мальчик лежал неподвижно, закутанный, как мумия, наслаждаясь непривычным комфортом. Ощущение чистоты было так ново для него и так приятно; фланелевые ночные рубашки считались неслыханной роскошью в той среде, где он жил до сих пор; вкусное, теплое питье также успокоительно подействовало на его кашель, как ласковые слова — на его одинокое сердечко. А при мысли, что есть люди, которые заботятся о нем, бедному мальчику казалось, что он попал на небо. Временами ему приходило в голову, что это какой-то чудесный сон. И он закрывал глаза, чтобы посмотреть, не исчезнет ли все, когда он их откроет. Нэт был так счастлив, что не мог уснуть, да, впрочем, это ему не удалось бы: через несколько минут ему пришлось познакомиться с одним из обычаев Плумфилда, что доставило ему несказанное удовольствие.

После короткого затишья вдруг совершенно неожиданно во все стороны начали летать подушки, которые бросали друг в друга маленькие белые фигурки, выскочившие из постелей. Битва происходила в нескольких комнатах, иногда разгоралась даже в детской, когда туда скрывался какой-нибудь обращенный в бегство воин. Ни няня, ни миссис Бэр не обращали на это никакого внимания; они не удивлялись и не останавливали детей. Няня развешивала полотенца, а миссис Бэр доставала чистое белье так спокойно, как будто не происходило ничего особенного. Она даже приняла некоторое участие в игре. Когда один смелый мальчик бросил в нее подушкой,

она быстро подхватила ее и швырнула в него так ловко, что он был вынужден убежать из комнаты.

— Им не больно? — спросил у миссис Бэр Нэт, хохотавший до упаду на своей постели.

— Конечно, нет, — ответила она. — У нас каждую субботу вечером бывает такая битва подушками. Завтра все равно нужно надевать чистые наволочки, да и детям хорошо погреться после ванны. А потому я даже люблю эту игру.

И миссис Бэр, вынув из комода чистые носки, принялась их пересчитывать.

— Какая это славная школа! — в восхищении воскликнул Нэт.

— Только немножко странная, — с улыбкой сказала миссис Бэр. — Мы не хотим заставлять детей слишком много учиться и лишать их всех удовольствий. Сначала я было запретила эту игру в ночных рубашках, но потом увидела, что это бесполезно. Детей невозможно удержать в постелях. А потому я поставила им условие. Я позволила им каждую субботу биться подушками в продолжение четверти часа, а они за это обещали мне во все остальные дни спокойно ложиться спать вовремя. И дело у нас идет хорошо. Если они не держат слова — игра запрещается; если держат, я ставлю лампы в безопасное место и позволяю им играть.

— Как хорошо! — сказал Нэт, чувствуя, что и ему хотелось бы присоединиться к играющим, но не решаясь на это в первый же вечер. И он лежал, с восхищением наблюдая за горячей битвой.

Томми Банг предводительствовал атакой, а Деми с замечательным мужеством защищал свою комнату. Он подхватывал на лету подушки, которые в него бросали, и складывал у себя за спиной, так что атакующие в конце концов оставались без метательных снарядов. Тогда они все сразу бросились на Деми, чтобы снова завладеть своим оружием. Некоторым мальчикам доставалось больше других, но они не обращали на это внимания. Все добродушно выносили удары, и подушки летали, как снежные комья, — до тех пор, пока миссис Бэр не остановила игру.

— Четверть часа прошло, дети, — сказала она, взглянув на часы. — Теперь живо в постели, а не то заплатите штраф.

— Какой штраф? — поинтересовался Нэт.

Ему очень хотелось узнать, что будет с тем несчастным, кто ослушается этой доброй, заботливой хозяйки школы.

— Непослушные лишаются права играть в следующую субботу, — ответила миссис Бэр. — Я даю им пять минут, чтобы улечься в постели, и тушу лампы, надеясь, что шума больше не будет. Они честные мальчики и держат свое слово.

Так оно и вышло. Бой кончился так же внезапно, как начался. Несколько ударов на прощание, последний взрыв смеха, когда Деми бросил в отступающего врага седьмую подушку, несколько вызовов на следующую субботу, приглушенный смех, сдержанный шепот, а затем — тишина. Мама Бэр поцеловала своего нового воспитанника и оставила его грезить о счастливой жизни в Плумфилде.

Глава 2. Мальчики

Пока Нэт спокойно спит, я расскажу вам, мои маленькие читатели, кое-что о мальчиках, с которыми ему предстоит познакомиться утром.

Начнем с наших старых знакомых. Франц — настоящий немец — был высоким белокурым шестнадцатилетним юношей. Он зачитывался книгами, был внимателен ко всем и очень музыкален. Дядя готовил его в колледж, а тетя Джо старалась, чтобы из него впоследствии вышел хороший семьянин. Она развивала в нем любовь к детям, уважение к женщинам, все равно молодым или старым, и давала ему возможность быть полезным в доме. Трудлюбивый, добрый и терпеливый, Франц был ее правой рукой во всем. И он любил свою веселую тетю как мать, потому что она и старалась быть для него матерью.

Эмиль имел совсем другой характер. Горячий, нетерпеливый и предприимчивый, он страстно любил море. Дядя обещал отпустить его в плавание, когда ему минет шестнадцать лет, а пока заставлял его изучать все относящееся к морскому делу, давал ему читать биографии знаменитых адмиралов и истории про героические подвиги и позволял проводить все свободное от уроков время на реке, около пруда или ручья. Комната Эмиля напоминала каюту военного корабля. Все его вещи имели отношение к войне и к морю. Капитан Кидд был его идеалом, а любимое занятие состояло в том, что он наряжался, как пират, и распевал во все горло воинственные моряцкие песни. Он не признавал никаких танцев, кроме матросской пляски, выработал походку, как у моряков, а в разговоре так и сыпал морскими терминами. Мальчики прозвали его Командором и очень гордились его флотом, плававшим в пруду. С этим флотом то и дело случались всевозможные беды, которые наверняка уже давно отбили бы охоту возиться с ним у любого другого капитана, но только не у Эмиля — страстного любителя моря.

Деми принадлежал к числу детей, у которых под влиянием разумного воспитания ум и тело развиваются одновременно. Мать старалась, чтобы он был добрым, любящим ребенком; отец заботился о его физическом развитии, а дедушка Марч, со своей стороны,

развивал ум Деми. Он не затруднял его долгими уроками и не требовал, чтобы тот заучивал их слово в слово. Дедушка Марч только помогал ему, стараясь, чтобы мальчик развивался так же естественно, как под влиянием солнца и росы распускаются цветы. Деми был, конечно, далеко не безупречный ребенок, но его проступки были такого рода, что их всегда можно было извинить. Словом, это был милый мальчик, серьезный и вместе с тем веселый, не замечавший своей собственной привлекательности и умственного развития, но очень ценивший это в других.

Дэйзи была прелестной веселой девочкой; так же, как ее мать, она любила заниматься разными домашними делами. У нее была целая семья кукол, которых она прекрасно воспитывала. Она не расставалась со своей рабочей корзиночкой и шила так хорошо, что Деми часто вытаскивал из кармана носовой платок, чтобы похвастаться ее работой. А у крошки Джози была фланелевая юбочка, премило сшитая для нее сестрицей Дэйзи.

Дэйзи очень любила хлопотать около буфета, расставляла на столе солонки и аккуратно раскладывала ложки, а по утрам отправлялась со щеткой в гостиную, чистила кресла и вытирала пыль со столов. Деми подшучивал над ней, но был очень доволен, что она держит его вещи в порядке и помогает ему учить уроки: в учении они шли ровно, и им даже не приходила в голову мысль о соперничестве.

Они горячо любили друг друга, и никто не решался подсмеиваться над нежной любовью Деми к сестре. А если находился такой смельчак, то Деми вызывал его на бой и, как правило, успешно расправлялся с ним. Он положительно не понимал, почему мальчики стыдятся говорить прямо, что любят своих сестер. Дэйзи восхищалась своим братом, считала его самым замечательным мальчиком на свете и каждое утро, завернувшись в одеяло, подходила к его двери и говорила ласково, как мама: «Вставай, мой милый, скоро уже зазвонят к завтраку. Вот тебе чистый воротничок».

Роб был энергичный мальчуган, открывший, по-видимому, тайну вечного движения, так как ни минуты не мог оставаться в покое. К счастью, он не был шаловлив и особенно смел, а потому редко попадал в беду. Он, как маятник, постоянно качался между папой и мамой, все время тихонько «тикая»: Роб был ужасный болтун.

Тедди был еще слишком мал, чтобы играть заметную роль в делах Плумфилда, но у него была своя сфера, в которой он действовал как нельзя лучше. У каждого временами возникало желание повозиться с маленьким ребенком и приласкать его. И в таких случаях на сцену выступал Тедди, очень любивший, чтобы его ласкали. Всюду, куда бы ни шла миссис Джо, он ковылял за ней. Это давало ему возможность совать свои пальчики в разные блюда, но все находили, что они от этого только становятся вкуснее: малютки в Плумфилде пользовались большим почетом.

Дику Брауну и Адольфу, или Долли, Петингилю было обоим по восемь лет. Долли страшно заикался, но, так как никому не позволяли над ним смеяться, а мистер Бэр старался вылечить его, советуя говорить как можно медленнее, Долли со временем стал заикаться гораздо меньше, чем прежде. Он был славный, но самый обыкновенный, ничем не выдающийся мальчик. Жизнь в Плумфилде очень нравилась ему; он охотно учил свои уроки и с удовольствием принимал участие в играх.

Дик Браун был горбатым. Но он так весело переносил свой недостаток, что Деми однажды спросил его: «Неужели люди от горбов делаются веселее? В таком случае и мне хотелось бы иметь горб». Всегда оживленный и веселый, Дик старался изо всех сил не отставать от других мальчиков, потому что в его слабом теле билось храброе сердце. Поступив в школу, он первое время очень стыдился своего горба, но скоро и думать о нем забыл. Никто не осмеливался смеяться над ним после того, как мистер Бэр наказал мальчика, вздумавшего потешаться над увечьем Дика.

— Богу это все равно, — рыдая, ответил ему Дик. — Хоть на спине у меня и горб, но душа прямая!

Бэры постарались поддерживать в нем эту мысль и убедили его, что для людей самое главное — его душа, и если они думают о его теле, то лишь с сожалением и сочувствием.

Раз, когда Дик играл вместе с другими в зверинец, кто-то спросил: «А каким же зверем будет Дик?»

— Конечно, верблюдом! — со смехом ответил Дик. — Ведь у меня горб на спине!

— Так ты будешь моим любимым верблюдом, — сказал Деми, расставлявший «зверей» по порядку. — Я не заставлю тебя носить

тяжести, и ты пойдешь сразу вслед за слоном.

— Надеюсь, и другие будут так же добры к этому бедняжке, как наши мальчики, — шепнула миссис Джо мужу, когда Дик с сияющим от счастья лицом, гордо выступая, прошел мимо нее. Он казался очень маленьким и слабым верблюдом рядом с высоким, толстым Фаршированным Кочаном, вполне подходившим для роли слона.

Джека Форда отдали в Плумфилд, потому что эта школа была недорогой. Это был очень бойкий и остроумный, но хитрый мальчик, и мистеру Бэру не нравились его недетская резкость и любовь к деньгам.

Нед Баркер был такой же длинноногий и неловкий, как тысячи других четырнадцатилетних мальчиков. Его прозвали Медвежонком, потому что он постоянно натыкался на стулья, стучался о столы и сваливал по пути все мелкие вещи. Он был довольно труслив, часто хвастался тем, что умеет сделать то или другое, но не делал этого; наконец, он был не прочь солгать. Маленьких мальчиков он нередко обижал, а большим льстил. И хоть его нельзя было назвать испорченным, он мог бы легко сбиться с пути.

Джорджа Коля испортила чересчур баловавшая его мать. Она пичкала его сладостями до того, что он заболел, а потом решила, что ему нельзя учиться, так как у него слишком слабое здоровье. И он в двенадцать лет был бледным, одутловатым мальчиком, раздражительным, тупым и ленивым.

Один знакомый посоветовал матери Джорджа отдать его в Плумфилд, и там он скоро изменился к лучшему. Сласти здесь давали редко, телесных упражнений было много, а учение настолько приятно, что Фаршированный Кочан стал с удовольствием заниматься. В конце концов сильно беспокоившаяся за него мать была поражена произошедшей в нем переменой и убедилась, что в плумфилдском воздухе действительно было что-то особенное.

Билли Йорду было тринадцать лет, но по развитию он стоял не выше шестилетнего ребенка. Раньше у него были замечательные способности, но его отец слишком поторопился с его учением. Он задавал мальчику длинные, трудные уроки и держал за книгами по шесть часов в день, рассчитывая, должно быть, что он проглотит всю эту премудрость, как страсбургский гусь глотает еду, которую ему заталкивают в горло.

Мистер Йорд полагал, что исполняет свой долг, но чуть не уморил сына. Мальчик заболел воспалением мозга, а когда выздоровел, его переутомившийся мозг отказался работать.

Это был страшный урок для его честолюбивого отца: некогда замечательно способный мальчик превратился чуть ли не в жалкого идиота. Мистер Йорд отдал его в Плумфилд. Он не надеялся, что Билли там помогут, но был уверен, что с ним будут обращаться ласково. Билли был кроткий, послушный мальчик; было тяжело смотреть, как он старался учиться, ощупью пробираясь к тем утраченным знаниям, которые обошлись ему так дорого. День за днем он сидел за азбукой, гордо показывал «А» и «Б», но на другой день забывал их и начинал все с начала. Мистер Бэр был необыкновенно терпелив с Билли и продолжал заниматься с ним, несмотря на всю кажущуюся бесполезность этих занятий. Он не задавал ему никаких уроков, но старался осторожно рассеять туман, окутавший его мозг, и настолько вернуть ему рассудок, чтобы он не оставался тяжким бременем для родных.

Миссис Бэр всячески старалась укрепить здоровье Билли, а мальчики жалели его и обращались с ним по-доброму. Он не любил их шумных игр и то сидел целыми часами, глядя на голубей, то рыл ямки для Тедди в таком количестве, что даже этот страстный землекоп оставался доволен, то ходил с места на место за Сайлесом, работником мистера Бэра, и смотрел, как тот работает. Сайлес был очень добр к нему, а Билли хоть и забыл азбуку, но дружеские лица помнил хорошо.

Томми Банг был самым отчаянным шалуном в школе. Он постоянно придумывал разные проказы, как обезьянка. Но в то же время он был так добродушен, что ему невольно прощали его шалости, так рассеян, что пропускал все мимо ушей, и так горячо раскаивался в каждой шалости, что невозможно было сохранить серьезность, когда он начинал давать торжественные обещания исправиться и предлагал подвергнуть его всевозможным, самым ужасным наказаниям. Мистер и миссис Бэр жили в постоянной тревоге и ожидании какой-нибудь беды, вроде того что Томми сломает себе шею или что он добудет пороху, нечаянно подожжет его и взорвет всю школу.

А у няни в комодке был отведен особый ящик, в котором хранились пластыри, бинты и мази исключительно для Томми: с ним постоянно

случались различные ужасные происшествия, и, бывало, его приносили чуть живым. Но все сходило ему с рук, и после каждой новой катастрофы силы его даже как будто удваивались.

В день своего поступления в школу Томми чуть не отрезал себе палец, сунув его в косилку, а в течение первой недели с ним приключилось несколько бед подряд: он упал с крыши сарая, чуть не лишился глаза, который ему хотела выклевать разъяренная курица за то, что он брал в руки и рассматривал ее цыплят, и, наконец, он едва унес ноги от кухарки Азайи, которая больно выдрала его за уши, застав за роскошным пиром, состоявшим из горшочка сливок и половины пирога, которые он стащил на кухне. Однако все эти неудачи и неприятности совсем не действовали на неустрашимого мальчика, и он продолжал свои подвиги, задевая всех и каждого.

Если Томми не знал урока, у него всегда находилось какое-нибудь забавное оправдание; у него были хорошие способности, и он не задумывался над ответом, даже ничего не выучив. В общем, учился он вполне успешно, но зато вне класса — ах, как же проказничал Томми после уроков!

Он прикрутил толстую Азайю к столбу ее же бельевой веревкой, и, как она ни бесилась и ни бранилась, ей пришлось простоять так около получаса, да еще в понедельник утром, когда у нее было полно дел. Он подержал над свечой цент и опустил его за воротник хорошенькой Мэри-Энн, когда она прислуживала за столом, к тому же в присутствии гостей. Бедная девушка вскрикнула, опрокинула миску с супом и в ужасе бросилась из комнаты, а сидевшие за столом подумали, что она сошла с ума. Он водрузил на дерево ведро с водой и привязал к ручке ленту, а когда Дэйзи, увидев яркую ленточку, хотела снять ее и потянула к себе, вода окатила девочку. Чистенькое платьице Дэйзи промокло, а сама она была обижена до глубины души. Он положил в сахарницу горсть гладких белых камешков, когда его бабушка пришла к чаю; бедная старушка никак не могла понять, почему сахар не тает у нее в чашке, но из деликатности ничего не сказала. Во время церковной службы он стал передавать товарищам нюхательный табак, причем пятеро мальчиков до того расчихались, что вынуждены были выйти из церкви. Он прокладывал зимой дорожки в снегу и поливал их водой, так что люди скользили и падали. Он чуть не свел с ума бедного Сайлеса, стыдившегося своих огромных ног,

тем, что вешал его сапоги в самых видных местах. Он уговорил доверчивого Долли привязать себе нитку к гнилому зубу и выпустить конец нитки изо рта, чтобы он, Томми, мог выдернуть у него зуб, когда он заснет, и тогда Долли не почувствовал бы боли. Но когда Томми дернул за нитку, зуб остался на месте, а Долли проснулся в ужасе и с того дня потерял всякую веру в Томми. Последняя проказа Томми состояла в том, что он накормил кур намоченным в роме хлебом. Они опьянели и взбудоражили весь птичий двор. Да и было от чего взволноваться: старые, почтенные куры ходили, шатаясь из стороны в сторону, клевали землю и кудахтали самым нелепым образом. А вся школа, глядя на них, хохотала до упаду. Наконец Дэйзи сжалась над курами и заперла их в курятнике, чтобы они там проспались.

Вот каковы были мальчики, так счастливо жившие вместе. Они учились, играли, работали, дрались, но вместе с тем старались избавляться от своих недостатков и постепенно становились все лучше и лучше. Мальчики в других школах приобретали, может быть, больше знаний из книг, но зато меньше той высокой мудрости, которая делает людей порядочными и достойными. Без сомнения, полезно знать латинский и греческий языки и математику, но, по мнению профессора Бэра, твердость, самообладание и привычка полагаться на свои силы важнее, и именно эти качества он старался развивать в детях. Люди, не согласные с такими взглядами, нередко с сомнением покачивали головами, даже когда видели явные успехи в воспитании мальчиков. Но ведь это была «странная школа», как сказала Нэту миссис Бэр...

Глава 3. Воскресенье

Как только на следующее утро зазвонил колокол, Нэт вскочил с постели и с удовольствием надел платье, приготовленное для него на стуле. Это были неновые, поношенные вещи одного из богатых мальчиков. Миссис Бэр сберегала такие «сброшенные перышки» для бедных «залетных птичек», попадавших в ее гнездо. Не успел Нэт одеться, как появился Томми в белоснежном воротничке и повел его вниз.

Солнце заливало светом столовую, накрытый стол и голодных мальчиков, собравшихся около него. Нэт заметил, что на этот раз они не шумели, как накануне вечером, а стояли смирно, держась за спинки стульев. Маленький Роб, находясь около отца во главе стола, сложил руки, склонил свою кудрявую головку и прочитал коротенькую молитву. Потом все уселись и принялись за воскресный завтрак, состоявший из кофе, котлет и вареного картофеля — вместо хлеба и молока, обычного завтрака в будни.

Быстро работая ножами и вилками, все оживленно разговаривали. Нужно было потолковать о приготовлении воскресных уроков, договориться насчет прогулки и обсудить планы на следующую неделю.

— А теперь, дети, — сказал папа Бэр, когда завтрак кончился, — принимайтесь за свои утренние занятия и будьте готовы к тому времени, как приедет омнибус, чтобы отвезти нас в церковь.

И мистер Бэр, подавая им пример, пошел в класс, чтобы подготовить книги, которые понадобятся в понедельник.

Все тотчас же принялись за дело. У каждого были свои маленькие обязанности. Одни носили дрова и воду и подметали лестницу, другие выполняли поручения тети Бэр или кормили птиц. Дэйзи мыла чашки, а Деми вытирал их: близнецы любили работать вместе и старались быть полезными в доме. Даже у малютки Тедди было свое маленькое дело: он ковылял то туда, то сюда, снимая со стола салфеточки и расставляя по местам стулья. В продолжение получаса дети сутились, как пчелы в улье, а потом приехал омнибус, и дядя Бэр, Франц и восемь старших мальчиков отправились в церковь — в город, до которого было три мили.

Нэт из-за своего кашля остался дома с младшими детьми и провел с ними все утро в комнате миссис Бэр. Он слушал рассказы, которые она читала вслух, пел гимн, которому она научила детей, а потом вместе со всеми наклеивал картинку в старую книгу.

— Вот мой «воскресный» шкаф, — сказала тетя Джо, показывая Нэту полки, на которых лежали книги с картинками, ящички с красками, кубики и письменные принадлежности. — Мне хочется, чтобы мои мальчишки любили воскресенье и считали его спокойным, приятным днем. В воскресенье они отдыхают от уроков, играют в какие-нибудь нешумные, тихие, игры и обучаются кое-чему такому, что важнее всех школьных знаний. Ты понимаешь, что я хочу сказать? — спросила она, взглянув на внимательно слушавшего ее Нэта.

— Вы, должно быть, хотите сказать, что они учатся быть добрыми? — сказал Нэт после минутного колебания.

— Да, быть добрыми и находить в этом удовольствие. Иногда это очень трудно, я это знаю, но когда все помогают друг другу, то выходит легче. Вот как я стараюсь помогать моим мальчишкам.

Миссис Бэр сняла с полки маленькую, наполовину исписанную тетрадь и открыла ее на странице, наверху которой было только одно слово.

— Это же мое имя! — с удивлением воскликнул Нэт.

— Да. Тут есть страничка для каждого мальчишка. Я записываю здесь, как он вел себя в течение недели, а в воскресенье вечером показываю ему то, что записала. Если он вел себя дурно — меня это огорчает; если хорошо — я счастлива и горжусь им. Но как бы там ни было, дети знают, что я веду этот журнал для их пользы, и стараются вести себя хорошо из любви к дяде Бэру и ко мне.

— Еще бы не стараться! — сказал Нэт.

Тут он вдруг заметил, что на соседней странице стоит имя Томми, и ему очень захотелось узнать, что там написано.

Миссис Бэр заметила это и тотчас же перевернула страницу.

— Нет-нет, — сказала она, покачав головой, — я не показываю этих записей никому, кроме тех, к кому они относятся. То, что написано в этой тетради под твоим именем, не будет знать никто, кроме меня и тебя. Будет ли тебе приятно или стыдно читать то, что я напишу здесь к следующему воскресенью, — зависит от тебя самого. Мне

кажется, что запись должна быть хорошая. Во всяком случае, я не собираюсь слишком много требовать от тебя: ты только что поступил в Плумфилд, и все здесь еще слишком ново и непривычно для тебя. Я буду довольна, если ты начнешь соблюдать наши правила, а их очень немного, станешь жить дружно с товарищами и кое-чему выучишься.

— Я постараюсь, — сказал Нэт, и его худенькое лицо вспыхнуло — ему так хотелось, чтобы миссис Бэр не огорчалась, а была счастлива.

— Должно быть, очень трудно писать так много, — прибавил он, когда тетя Джо, ласково потрепав его по плечу, закрыла тетрадь.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ